

Мария Белова:

«\$65 за баррель — это не кризис»

Мировая экономика по-прежнему остается зависимой от углеводородов. Поэтому состояние рынка нефти всегда находится в центре внимания экономистов, политиков, экспертов. «Нефть будет дешевле, чем мы привыкли, деньги будут дороже, чем мы привыкли, и это новая реальность», — сказала на последнем Гайдаровском форуме первый заместитель председателя Центрального банка РФ Ксения Юдаева.

О том, как существовать в новой реальности, о неблагоприятном деле прогнозирования нефтяных цен, о факторах, которые оказывают влияние на рынок углеводородов, мы беседуем со старшим аналитиком компании VYGON Consulting, кандидатом экономических наук **Марией Беловой**.

— Мария Андреевна, как Вы считаете, стоит ли ожидать падения цен на нефть в ближайшее время? Было ли достигнуто ценовое дно?

— На эти вопросы нельзя ответить однозначно, поскольку на ситуацию влияет много факторов, действие которых сложно предсказать. Провалится цена за баррель нефти ниже \$ 40 или не провалится? — трудно сейчас ответить уверенно. Вероятнее всего, на протяжении 2015 года она не опустится ниже того уровня, который был. Как отмечалось в нашем исследовании «Мировой рынок нефти: от “ручного управления” к “невидимой руке”», средняя цена на текущий год будет держаться в районе \$ 60 за баррель. Это наше ви-

дение февраля 2015 года, и пока мы не находим оснований для пересмотра этого прогноза.

— Многие аналитики связывают падение цен на нефть в конце 2014 года — начале 2015 года с ростом сланцевой добычи в США. Насколько верно это утверждение? Какие еще факторы повлияли на падение нефтяных цен?

— Основной причиной нынешнего падения цен на нефть стал дисбаланс спроса и предложения. Избыток предложения произошел, прежде всего, из-за роста добычи в США нетрадиционной нефти, который, в свою очередь, не был компенсирован таким же быстро растущим спросом.

Кроме того, более скромные темпы роста ВВП продемонстрировал Китай. Вообще по КНР прослеживалась четкая взаимосвязь: 1% роста китайского ВВП был эквивалентен 1 млн баррелей нефти в сутки дополнительного спроса. Но темпы Поднебесной уже не так впечатляют. Более того, аналитики считают, что Китай уже не будет тем драйвером, который вытаскивал мировую экономику во время кризиса 2008 года, когда спрос на нефть сильно уменьшился. Тогда, как вы знаете, все ведущие страны, кроме КНР, упали по потреблению.

Развитые страны, прежде всего, европейские — тоже не показывают высокий спрос на нефть, скорее, наоборот. Ожидалось, что Соединенные Штаты на своей нефти должны выстрелить с точки зрения потребления, но этого тоже не произошло. Когда цена начала снижаться, все же было некое ожидание роста спроса на нефтепродукты. Однако некоторые аналитики считают, что и этого не произойдет. Дело в том, что те правила, которые работали, условно говоря, до 2000-х годов, перестали действовать, поскольку выросло другое поколение потребителей. Среднестатистическому американцу уже не надо садиться в машину и ехать смотреть Канзас или водопады. Все это можно посмотреть в интернете. Поэтому низкая цена на галлон бензина не будет для него однозначным стимулом к тому, чтобы больше ездить.

— **Более ленивыми стали?**

— Скорее, менее мобильными, более цифровыми.

На ситуацию влияет также психологический фактор, такой как, скажем, военная премия. В середине 2014 года ее влияние уже не было таким существенным, как в предыдущие периоды. К примеру, в 2011 году, когда началась «арабская весна», постоянно происходило выбытие нефтяных объемов с рынка — Ливия, Сирия, Ирак. Опять же эмбарго на импорт иранской нефти с середины 2012 года. Поэтому, когда в США происходил рост добычи сланцевой нефти, в абсолютных значениях его не было видно на мировых торговых площадках. Но к середине 2014 года на Ближнем Востоке все относительно успокоилось, а в Соединенных Штатах продолжился рост нефтедобычи. Тогда и случилось то, что случилось. То есть предложение опередило спрос.

— **Чем чревата ситуация с низкой ценой на нефть для мировой экономики, для экономики России?**

ВКРАТЦЕ

Мария Белова 10 лет занимается исследованиями в области экономических, финансовых и правовых аспектов мировой нефтегазовой промышленности.

В 2011–2014 годах занимала должность старшего аналитика направления «Мировая энергетика» в Энергетическом центре Московской школы управления СКОЛКОВО.

В 2005–2011 годах в разных должностях работала в Фонде «Институт энергетике и финансов».

Член экспертной группы по переговорам Россия — ЕС по Протоколу по Транзиту в рамках Договора к Энергетической Хартии (2006–2008). Член Тематической Группы по энергетическим стратегиям, прогнозам и сценариям ЭнергодIALOGA Россия — ЕС (2010–2011). Член экспертной подгруппы по Энергобезопасности двусторонней Рабочей группы по энергетике Российско-Американской Президентской комиссии (2010–2011). Член экспертной группы по гармонизации сценариев в рамках подготовки Дорожной Карты сотрудничества России и ЕС в энергетической сфере до 2050 года (2011).

Преподаватель Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО.

— Знаете, понятие «низкая нефть» — относительное. Понятно, что \$65 за баррель по сравнению со \$100 — это, наверное, низко. В то же время \$65 за баррель по сравнению с \$8–10 в 1998 году — вроде бы, хорошо. Для развитых стран, являющихся потребителями, низкая цена на нефть скорее плюс, чем минус, поскольку она становится более доступным ресурсом. Другой вопрос, многие из этих стран уже настолько энергоэффективны, что вряд ли стоит ожидать какого-то бума по спросу на нефть. Но и стимулов для дальнейшей экономии при низкой цене на нефть становится меньше.

Как мы предполагали (и это было подтверждено проведенным нами опросом в упомянутом выше исследовании), вероятно, страны ОПЕК, для которых нефть является основным источником дохода, в долгосрочном периоде решили довольствоваться низкой ценой на нефть, чтобы успокоить потребителей. Сейчас в мире появилось слишком много всякой экзотики — электромобили на каждом шагу, поступившие в розничную продажу в Японии водородные автомобили, положительные результаты тестов генератора теплоты Андреа Росси. Получается, чем выше цена нефти для потребителя, тем больше он простимулирован от нее отказаться. Поэтому текущий эффект, если расценки не достигнут \$100 за баррель в следующем году, отсрочит переход части этих экзотических продуктов в массовое потребление.

Не стоит забывать о природном газе. Когда упала цена на нефть, на каких-то рынках практически сразу же опустилась цена на газ, который не привязан к долгосрочным контрактам, то есть не зависит от нефтяных цен. В Европе наши газовые контракты составлены с лагом запаздывания на 6–9 месяцев от нефтяных. В той же Японии с начала года растет загрузка газовых электростанций. При высоких ценах на нефть и, соответственно, на газ, в Стране Восходящего Солнца запускали угольные станции. То же самое происходило в Южной Корее.

Сейчас эти страны опять начинают больше потреблять газ. Таким образом, с точки зрения общего спроса на углеводороды, «низкая нефть», наверное, интересна производителям, которых устраивает текущая цена в \$65 за баррель.

— А для нас чем это чревато? Выживем?

— Конечно, выживем. \$65 за баррель — это не \$30 и не \$10. К тому же курс рубля к доллару

изменился, а значит, в рублевом эквиваленте наши компании не потеряли. Соответственно, бюджет доходы в рублях тоже не потерял. Другой вопрос, что Россия много всего закупает за доллары. Но тогда будет больше стимулов к импортозамещению. Но \$65 — это правда, не кризис. Все зависит от курса. \$70 за баррель нефти при курсе 30 рублей за доллар — это одно, а \$70 при курсе 50 рублей за доллар — так вообще замечательно. На самом деле, мы сейчас говорим с позиции нефтяников, или с позиции граждан, государства? У каждого ведь свой интерес.

— Мария Андреевна, как Вы думаете, что мешает производителям в лице ОПЕК договориться о каких-то единых правилах с тем же МЭА, которое лоббирует интересы потребителей нефти и нефтепродуктов?

— А знаете, прогнозы ОПЕК и МЭА достаточно похожи, между ними нет принципиальной разницы. Разве что ОПЕК зачастую более осторожно оценивает перспективы нефти на рынке. И это понятно, для них нефть — это зачастую единственный источник дохода. У МЭА своя позиция. Там говорят, что нефть по-прежнему будет в лидерах среди источников энергии, что нужно думать над энергосбережением, что надо снижать зависимость от традиционных поставщиков нефти. У каждого в действительности своя логика и своя задача.

Нефтяники Ирана готовы восстановить досанкционные объемы экспорта

Месторождение сланцевой нефти в Северной Дакоте

Добыча сланцевой нефти в США

Снижение нефтедобычи странами, входящими в ОПЕК, не прогнозируется

«Для стран, являющихся потребителями, низкая цена на нефть скорее плюс, чем минус, поскольку она становится более доступной»

Насчет договориться? — я как-то не верю в эту историю. Договориться можно было в 1928 году, когда нефтяные магнаты собрались в шотландском местечке Ачнакарри. Но на этой встрече немногочисленные производители нефти просто поделили рынки сбыта. Сейчас даже производители между собой не могут договориться, что логично. Возьмем, к примеру, Соединенные Штаты — они производители или потребители? Они и производители, и по-

«Если спросить, какая цена нефти будет считаться комфортной, я бы ответила — любая предсказуемая»

требители. Равно как и Россия. Американские нефтяные компании, которые добывают нефть и газ по всему миру и делают на этом бизнес, заинтересованы в высокой цене? А государство, которому они платят налоги, заинтересовано в высокой цене? По идее, да, все должны быть заинтересованы. Но при этом высокая цена не делает счастливыми американских потребителей.

Если вы меня спросите, какая цена нефти будет считаться комфортной, я бы сказала — любая предсказуемая.

Что касается экономики России, то для нефтяников \$65 за баррель — нормально, если при этом понимать, что такая цена сохранится на какой-то ощутимый период времени. Безусловно, с какими-то инвестиционными проектами придется повременить, что-то уже отодвинулось.

Но сейчас многие инвестиции заморожены не столько из-за уровня цены, сколько из-за санкций. У нас нет самостоятельной возможности без современных западных технологий разрабатывать те же трудноизвлекаемые запасы. Некоторые компании пытаются, но не массово, поскольку цена не стимулирует к инвестициям в собственные технологии.

— **Обывательский вопрос, почему при падении цен на нефть в нашей стране цены на нефтепродукты продолжают расти?**

— А очень все просто. Вспомним, что было в начале 2015 года. Как не совсем простые обыватели мы знаем, что в это время в России был проведен налоговый маневр, суть которого состояла в снижении пошлины и росте налога на добычу полезных ископаемых.

А теперь, давайте представим, вы — нефтяная компания, которая может продавать продукцию

в России и, условно говоря, в Европе. Ваш нетбэк (себестоимость, чистая выручка) относительно европейского рынка — это цена европейского рынка за вычетом транспортных расходов и пошлины, которая в результате маневра стала меньше. Для компенсации снижения пошлин также были снижены акцизы, но курс доллара вырос в большей степени, и в результате цена равнодоходности поставок на экспорт (нетбэк, выраженный в рублях, плюс акциз) также выросла. Более того, большую часть этого года поставки на внутренний рынок были менее выгодны по сравнению с экспортом, и цены внутреннего рынка выросли меньше, чем цена равнодоходности. То есть какого-то сговора нефтяных компаний здесь нет.

— **Как скажется возвращение Ирана на мировой рынок нефти?**

— Когда в марте было объявлено о достижении определенных договоренностей и перспективе снятия санкций, то цена на нефть моментально снизилась. То есть психологический эффект от события был отрабатан сразу же.

Дальше стали обнародоваться детали достигнутых договоренностей. Оказалось, что реально соглашение будет подписано только в июне. Только после этого спустя несколько месяцев США примут решение о снятии санкций. Всех или не всех — пока не ясно. Поэтому нужно четко понимать, что дополнительные объемы иранской нефти до конца года на рынок не придут. Это в лучшем сценарии. Непонятно также и в каком объеме они придут. На самом деле с Ираном уже многое было отыграно в ноябре 2013 года. Тогда после прорыва на переговорах по ядерной программе Тегерану было разрешено экспортировать 1 млн барр. в сутки. После чего Исламская республика восстановила свои позиции везде, кроме Европы.

Сейчас Иран поставляет 1 млн барр. нефти в сутки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Да, иранцы легко могут экспортировать 2–2,5 млн барр., как это было до введения санкций 2012 года.

Поэтому, чтобы ответить на вопрос, как скажется возвращение Ирана на мировой рынок, нужно знать, когда это произойдет, в каких объемах, и что в тот момент будет происходить на мировой углеводородной арене. Об этом сложно говорить. Особенно сейчас, когда вновь не все спокойно на Ближнем Востоке.

Недавно нынешний король Саудовской Аравии поменял принципы престолонаследия. При чем, как говорится, Бог бы с ним, с престолом. Тут

другой момент вызывает беспокойство, был снят с должности министр иностранных дел, несколько десятилетий занимавший свой пост. На его место назначили бывшего посла Саудовской Аравии в США. Здесь, как минимум, скрытый реверанс в сторону Вашингтона, а как максимум — развитие и без того тесных связей саудитов с американцами.

— **Какое влияние на нефтяные цены оказывают военные конфликты?**

— Конфликт конфликту рознь. В качестве примера здесь можно привести историю с Ираком. Цена нефти на мировом рынке начала расти еще в конце 2002 года существенно раньше военных действий по свержению режима Саддама Хусейна, которые начались в марте 2003 года. В апреле же, когда добыча нефти в стране приблизилась к нулевой отметке, цена нефти начала падать.

Почему так происходило? Потому что рынок, который жил ожиданиями войны, получил не войну, а быструю операцию. Хусейна, как вы помните, взяли стремительно. Рынок живет ожиданиями, а поскольку в Ираке все разрешилось быстро, значит, была уверенность в быстром возврате объемов на рынок. В биржевом принципе ценообразования многое строится на ожиданиях. Так, например, существующая в настоящее время нестабильность из-за гражданской войны на Украине в глобальном плане никак не сказалась на цене энергоресурсов.

— **Как цены на нефть влияют на ценообразование на рынке газа? Изменился ли в последнее время механизм ценообразования на газ?**

— Нет, механизм не изменился. Если мы говорим о европейском рынке, то стоит помнить, что 50% объемов, которые в Европе покупаются, это долгосрочные контракты с привязкой к цене на нефть. Снижение цены на нефть в июне 2014 года в российских контрактах начало сказываться только в апреле 2015 года. Большой провал будет наблюдаться во втором и третьем квартале.

В Азии тоже нефтяная привязка. Там цена на газ снизилась еще в прошлом году из-за более короткого временного лага. Например, цена на газ в наших контрактах в Европу формируется в привязке к цене нефти с лагом 6–9 месяцев, в азиатских же этот лаг составляет 3 месяца. Но в целом принципы ценообразования на газ не изменились.

— **А в перспективе они могут измениться?**

— Сейчас до 50% потребляемого газа в Европе имеет спотовое ценообразование, то есть сделки производятся немедленно через торговые площадки и биржи. «Газпром» в свои нефтяные контракты последовательно вводит спотовую индексацию. В Азии пытаются создать свои газовые биржи. Таким образом, в перспективе произойдет увеличение объемов спотовых поставок. Так что, если придерживаться теории, что газовый рынок развивается по примеру нефтяного с определенным лагом — несколько десятилетий — то мне кажется, через 15–25 лет, а может быстрее, все будет примерно так, как на нефтяном рынке сейчас.

— **В июне состоится саммит ОПЕК. Как Вы считаете, будет ли принято на этом форуме решение о сокращении квот на добычу нефти?**

— Я думаю, такое решение вряд ли будет принято. Какой смысл? Потребность в этом снижении наиболее остро стояла в ноябре прошлого года. Если страны ОПЕК тогда не пошли на снижение, то сейчас подавно не пойдут. Но в целом

«Нестабильность из-за войны на Украине в глобальном плане никак не сказалась на цене энергоресурсов»

их решение о сохранении объемов добычи тогда было в принципе верным. Оно показало свою состоятельность. Как и рассчитывала ОПЕК, с рынка начали уходить дорогие ресурсы, то есть сланцевая нефть. С апреля в США добыча сланцевой нефти стала снижаться.

Избыток предложения нефти на рынке глобальном существенно не сократился. Поэтому оснований для снижения квот ОПЕК я не вижу. Мне кажется, ОПЕК их тоже не видит. К тому же нынешний принцип квотирования коллективной добычи, который организация приняла в конце 2011 года, осложняет им жизнь в том случае, если будет принято решение о ее снижении. Саудовская Аравия четко заявила, что одна она регулировать рынок не будет. Ее, грубо говоря, и текущая цена практически устраивает. Желающих сильно снизить свою добычу в рамках ОПЕК, видимо, тоже не находится. Поэтому есть какие-то попытки договориться с нами и рядом других не входящих в организацию добывающих стран которые пока не увенчались успехом.

Интервью провели

Владимир Пимонов, Александр Швед